

УДК 821.161.09

Шестопалова Г.А.

Московский государственный областной университет

АФОРИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

G. Shestopalova

Moscow State Regional University

APHORISMS IN THE WORKS OF M. SALTYKOV-SHCHEDRIN

Аннотация. В статье изучается афористическое искусство знаменитого русского сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина, который по праву считается одним из самых афористических писателей XIX века. Теоретические выводы строятся на основании изучения всего массива его художественно-публицистического творчества. Афоризмы Салтыкова-Щедрина аллегоричны по своей сатирической сущности, а поэтому многие из них можно определить термином *инвективы*. Приводится классификация афоризмов и инвектив. Афоризмы и инвективы М.Е. Салтыкова-Щедрина обогатили современный речевой поток и сохраняют за собой просветительскую функцию на многие столетия.

Ключевые слова: афоризмы, инвективы, крылатые выражения, творчество, сатира, фольклор, литература.

Abstract. The paper studies the art of a famous Russian aphoristic satirist M. Saltykov-Shchedrin, who is considered to be one of the most aphoristic writer's of 19th century. Theoretical conclusions are based on the study of the entire body of his artistic and journalistic works. Saltykov-Shchedrin's aphorisms are allegorical in its satirical nature, that's why many of them can be identified as invectives. The author presents the classifications of aphorisms and invectives of Saltykov-Shchedrin. They enriched the modern speech flow and retain the educational role for many centuries.

Key words: aphorisms, invectives, winged words, creation, satire, folklore, literature.

*«Он весь опутан афоризмами, и нет для него
другого выхода, кроме изнурительного маячения
от одного афоризма к другому»*

(М.Е. Салтыков-Щедрин «Благонамеренные речи» [3, т. II, с.17])

Сближение с народной культурой, выраженной пословицами, поговорками, присловьями, освоение поэтики этих жанров фольклора, позволяет М.Е. Салтыкову-Щедрину свободно использовать структуры паремий в своей художественной стилистике, наполняя её выражениями, обогащающими разговорный поток и осуществляющимися в речи как *крылатые выражения* или *афоризмы*.

Подобные конструкции в культуре XVIII века обозначали термином *апофегматы*. Под названием «Апофегматы» факты писательского красноречия публиковались отдельными сборниками в этом столетии, возбуждая интерес к остроловию. Труды писателей этого столетия были глубоко освоены Салтыковым-Щедриным, он часто цитирует А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина и др., однако признаёт, что на его творчество воздействует опыт афористики Мишеля де Монтеля.

В XIX веке в писательском общении термин *апофегматы* вытесняется понятием *афоризмы* или его русским эквивалентом *крылатые выражения*.

Современный научный обиход сохраняет всю терминологию, однако понятие *апофегматы* вышло из массовой литературы. Редким случаем напоминания о нём явилось произведение Юрия Полякова “Козлёнок в молоке”, сатирически воздающее дань апофегмистике молодых литераторов.

В наши дни интерес к афористике очень высок. Свидетельством тому стали многочисленные сборники мудрых мыслей, золотых фраз, умных слов. К 200-летию А.С. Пушкина вышла в свет книга “А.С. Пушкин. Советы. Мысли. Афоризмы” [М., 1999], опубликованы афоризмы Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.И. Тютчева, других писателей-классиков.

Изучение афоризмов М.Е. Салтыкова-Щедрина соответствует духу времени, становится общественно востребованным.

Крылатые выражения – это синтагмы писательской речи, имеющие те же типологические свойства, что и пословицы, однако существенное отличие крылатых выражений от пословиц заключается в том, что это авторские суждения, возбуждающие заинтересованность филологов к сохранению авторского имени при цитировании.

Крылатые выражения отражают писательское глубокое уважение к фольклору. Речевая функция крылатых выражений объединена с пословицами. *Афоризмы* /от греч. *aphorismos* – изречения/ и *апофегматы* /от греч. *aporphigmata* – краткие изречения/ – это термины, синонимичные по отношению к понятию *крылатые выражения*.

Параллель между пословицами и афоризмами подчёркивает, в первую очередь, способность крылатых выражений участвовать в интеллектуальной жизни людей, обогащать их опытом знаний, наблюдений, выводов и оценок. Однако при этом необходимо понимать, что все жанры паремииологии в целом синтезируются в афоризмах, если быть

точным, то сохраняется взаимодействие не только с пословицами, но и с поговорками, дразнилками, присловьями и т. д., при этом исчерпывающее понимание специфики разноликих цитат, запечатленных по памяти, определяется термином а ф о р и з м ы.

Афоризмы – “обобщённая, глубокая мысль определенного автора, выраженная в лаконичной, отточенной форме, отличающаяся выразительностью и явной неожиданностью суждения. Как и пословица, афоризм не доказывает, не аргументирует, а воздействует на сознание оригинальной формулировкой мысли <...> Секрет особенной привлекательности афоризма в том, что он содержит в себе более того, что сказано непосредственно. Его истинный смысл раскрывается в результате размышления” [4, с. 23-24].

Афоризмы могут восприниматься эстетически, но главным является их интеллектуальное воздействие, стремление расположить к глубокомыслию, к раздумьям, формировать сознательность.

Термин *афоризм* в писательской речи Салтыкова-Щедрина употребляется чаще, чем понятие *крылатое выражение*, нередко он выступает как словесная замена для обозначения пословиц.

“Область афоризмов” [3, т. 11, с.18] Салтыкова-Щедрина многообразна и во многих случаях красноречиво свидетельствует об интересе к этому художественному явлению и к самому термину. Например: “Поздний афоризм даёт молодому человеку возможность позабыть об афоризме прежде явившемся” [3, т. 10, с. 37]; “... он выводил на сцену целую свиту готовых афоризмов, вроде “бог непокорных детей наказывает”, “гордым бог противится” и проч. – и успокаивался” [3, т. 13, с. 119]. Приведённые примеры подтверждают особенность авторского использования термина и свидетельствуют о стремлении сатирика расширить научную информацию своих произведений за счёт обогащения читателя научной терминологией.

В современной фольклористике принято более точное использование терминов, по-

этому афоризмы М.Е. Салтыкова-Щедрина рассматриваются как проявления индивидуальной писательской художественной речи, глубокомысленной по сути, остроумной и краткой по форме выражения.

Афоризмы М.Е. Салтыкова-Щедрина аллегоричны по своей сатирической функции. Нередко они осуществляются в произведении с непосредственной ориентацией на особенности читательского понимания, на обширность его эрудиции и остроту политической озабоченности. Поэтому культурологический образ афоризмов Салтыкова-Щедрина сформирован многоопытной заботой сатирика о развитии восприятия содержания, заложенного в художественные образы произведений.

Аллегория имеет символический образ и символическое действие. Сатирическая символика произведений Салтыкова-Щедрина многозначна, так как символ имеет множество значений.

Афоризмы Салтыкова-Щедрина многозначны по своей логической и поэтической функциям, ярко представленная сатирическая окраска художественной образности выражений позволяет определить их ещё одним термином – *инвективы*. Инвектива / от лат. *invehi* – нападать, бросаться / – своеобразный вид резкой сатиры, имевшей большое распространение в античном мире, который предусматривал явное обличительное осмеяние. Литературные формы инвективы разнообразны, например, наиболее известными являются эпиграмма, басенная мораль и т. д.

В поэтике сатиры Салтыкова-Щедрина в большинстве случаев афоризмы – инвективы.

Афоризмы и инвективы Салтыкова-Щедрина отличаются своей поэтической сущностью. Это:

1) нарицательные образы и понятия, такие как Органчик, Иудушка, Неуважай-Корыто, Коняга, ташкентцы и т. д.;

2) сатирические дифиниции, переосмысливающие словарные справки и по-новому трактующие понятия, придавая им

остро сатирический оттенок с эффектом многозначности, например: “Как термин отвлечённый, Ташкент есть страна, лежащая всюду, где бьют но зубам и где имеет право гражданственности предание о Макаре, телят не гонящем” [3, т. 10, с. 27]; “Молчать – это целое занятие, целый умственный процесс, особенно если при этом имеется в виду практический результат” [3, т. 15- I, с. 10];

3) умозаключения, сентенции, выводы, высказывания, отмечающие яркие черты обсуждаемого явления, кратко, точно описывающие его сущность, так что будто и рассчитаны на запоминание и последующее устное бытие, например: “обвинение, так сказать, гнездилося в моей крови” [3, т. 11, с. 72]; “Чего-то хотелось: не то конституций, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать” [3, т. 12, с. 295].

Нарицательные образы составляют феномен художественной типизации, понятие типа в них доведено до совершенства, открывающего путь к многократному использованию в речи по отношению к сходным явлениям, не ограничиваясь условиями одной среды или эпохи, вне времени – во все времена.

Ключевое качество фольклора – устность – реализуется в нарицательных образах, подчёркивая их уместность в разговорной речи. Специфические черты фольклора – способность к многократному употреблению в речи в условиях разных социальных структур – присущи нарицательным образам.

Фольклорные истоки нарицательности восходят к поэтическим, общественным и философским явлениям, которые как таковой типологической общности не имеют с данным явлением, но при этом они были его ранними предшественниками:

1) образы-символы, дающие новое обозначение объекта, почерпнутое из разных сфер природной среды, например: *добрый молодец – ясный сокол, красна девица – лебедь белая* и т. д.; философское осмысление образов-символов даёт Салтыков-Щедрин пословицей в публицистическом цикле “Наша

общественная жизнь”: “... жизнь есть река, человек – пловец, лодка – величественное здание общества, весло – прогресс, а волны – тщетная реакция безумных ретроградов” [3, т. 6, с. 31];

2) кенинги, многочисленные именные обозначения одного субъекта, явление типичное для древнего англосаксонского эпоса: “Песни Старшей Эдды”, “Песни Младшей Эдды”, “Беовульф”, однако встречающееся и в древнем эпосе восточных славян, в сказаниях и песнях о Волхе Всеславьевиче /изложение жизнеописания героя в “Русских Ведах”/ [1];

3) дразнилки – прозвища: например: “Сидит рыжая корова перед образом Крылова, с бородавкой на носу, уплетает колбасу”; “Бабка Маланья, голова баранья, глазки человечьи, а лицо овечье, ноги козлячьи, руки – медвежачьи” [2, с.204];

4) приём экивоков – двусмысленных намёков, сформировавшийся в условиях оккультной табуистики в речи первобытных охотников, использовавших словесные замены с целью удачной ловли зверей [6].

Литературные истоки нарицательности связаны с искусством обобщения и типизации. При этом можно обратиться к определению типа, которое даётся в новейшем учебнике “Теория литературы”: “*Тип*, как и персонаж, – функция, но не сюжета, а мироустройства или “среды” [5, т. 1, с. 256]. Именно это свойство образа – связь с мироустройством – наиболее убедительно представлено в поэтике М.Е. Салтыкова-Щедрина, даже в сравнении с другими писателями-классиками русской литературы. Интерес к глубокому социальному анализу Салтыкова-Щедрина позволяет ему зорко выявлять порождения общественных недостатков, своего рода исчадия зла, и создавать убедительные образы-типы, нарицательные образы, выносящие приговор человеческим несовершенствам.

Забота о развитии нарицательности и установка на создание нарицательных типов выражены в творчестве 1850-х годов, в очерке “Приезд ревизора” /1857/ из художествен-

но-публицистического цикла “Невинные рассказы”. Салтыков-Щедрин комментирует ссылки на литературные имена, заботясь о введении их в ряд нарицательных понятий: “Пожарных лошадей выкормили, как индекс Ивана Ивановича” (См.: “Вечера на хуторе близ Диканьки Гоголя: Иван Федорович Шпонька” и т. д. /прим. М.Е. Салтыкова/ [1, т. 3, с. 32]).

Далее Салтыков-Щедрин пишет, точно в продолжение скрытого теоретизирования:

“Помилуйте, Дарья Прокопьевна! Какие же могут быть у нас живые картины! Вы посмотрите на наших дам! – возражает старинный наш знакомый Леонид Сергеевич Разбитной” (О Разбитном можно справиться в “Губернских очерках”, ч. 3-я: “Просители” / прим. М.Е. Салтыкова/ [1, т. 3, с. 33]).

Введение в нарицательность усиливается ссылками на произведения, имеющие большой общественный и литературный резонанс. Это подчёркивает равнодушие Салтыкова-Щедрина к памяти, запечатленной в имени, сохраняющей жизнь художественных творений и их авторов.

Нарицательные образы и понятия в поэтике М.Е. Салтыкова-Щедрина столь многочисленны, что их следует классифицировать:

1) нарицательные образы, выраженные говорящими именами, имеющими генезис; примером такого образа стало прозвище Порфирия Владимировича Головлёва, героя романа “Господа Головлёвы” – Иудушка; прозвище черпает свой нарицательный смысл из имени библейского апостола Иуды, предавшего Иисуса Христа; литературный генезис нарицательных образов, типичных для сатиры писателя, можно подчеркнуть афоризмом из художественно-публицистического цикла “Помпадуры и помпадурши”: “... Шествие открывал Ноздрёв, а замыкал Держиморда; Тарас же Скотинин шёл рядом с Феденькой и излагал программу будущего. Лаврецкий с прочими раскаявшимися рассеялись по сторонам и притворились, что рвут цветы...” [3, т. 8, с. 188];

2) нарицательные образы, выраженные говорящими именами, но при этом являю-

щиеся художественными открытиями самого Салтыкова-Щедрина; примеры таких имён можно найти в каждом произведении сатирика, например, в ранней повести “Запутанное дело” /1848/ нарицательным становится имя бедняка Ивана Самойлыча Мичулина; в художественно-публицистическом цикле “Убежище монрепо” – имена помещиков Разуваева, Колупаева; в “Благонамеренных речах” – капиталиста-первонакопителя Дерунова; в “Современной идиллии” – представителей продажной юриспруденции и прессы: Балалайкина, Редеди, Гадюка-Очищенного;

3) нарицательные образы, выраженные прозвищами; например в сатире “История одного города”: образ градоначальника Деметрия Варламовича Брудастого, прозванного “Органчик”;

4) нарицательные образы, выраженные зооморфизмами; такими образами богаты “Сказки” М.Е. Салтыкова-Щедрина: “Карась-идеалист”, “Орёл-меценат”, “Премудрый пискарь”, “Вяленая вобла”, “Коняга” и т. д.;

5) нарицательные образы, включающие в свое обозначение топонимы: например, в

художественно-публицистическом цикле “Господа ташкентцы” – ташкентцы; в “Пошехонских рассказах” – пошехонцы и т. д.

Афоризмы М.Е. Салтыкова-Щедрина стали не только достоянием филологического мышления, но и значительно обогатили живую разговорную речь современной эпохи. Обращение к ним всегда придаёт живость и оригинальность высказываниям, поэтому с начала XX века утвердился традиция обращения к ним политических деятелей. “Политика в быте”, – определил свойства художественной образности сатирика А.М. Горький.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асов А. Веды Руси. Прочтение и перевод, – М.: АСТ, 2011. – С. 638.
2. Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.
3. Салтыков-Щедрина М.Е. Собр. соч.: – В 20 т. – М.: Художественная литература, 1965. – 1977.
4. Словарь литературоведческих терминов / Сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 512 с.
5. Теория литературы / Под ред. М.Д. Тамарченко.: В 2 т. – М.: Академия, 2007.
6. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – 622 с.